

ВАСИЛЬ
БЫКОВ

АЛЬПИЙСКАЯ
БАЛЛАДА

Москва
2026

УДК 821.161.1-31(476)

ББК 84(4Бел)6-44

Б95

В оформлении обложки использована фотография
«Концлагерь, построенный немецкими оккупантами в г. Ростове-на-Дону»,
г. Ростов-на-Дону, 1943 г.
Автор съемки — Яблонский Л./РГАКФД

Быков, Василь Владимирович.

Б95 Альпийская баллада : [повесть] / Василь Быков. — Москва : Эксмо, 2026. — 208 с. — (День Победы. Классика военной литературы).

ISBN 978-5-04-234903-4

«Альпийская баллада» — повесть белорусского писателя-фронтовика Василя Быкова о побеге узников нацистского концлагеря. Белорус Иван и итальянка Джулия пытаются дойти до Триеста, чтобы присоединиться к партизанам. Но по пятам за ними идёт погоня.

УДК 821.161.1-31(476)

ББК 84(4Бел)6-44

© Быков В., текст, наследники, 2026

ISBN 978-5-04-234903-4

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Альпийская баллада

★1★

Он сначала упал, споткнувшись, но тут же вскочил, поняв, что, пока вокруг замешательство, надо где-то исчезнуть, скрыться, а то и прорваться с завода. Однако в вихревых потоках пыли, поглотившей цех, почти ничего не было видно; он чуть не угодил в чёрную пропасть воронки, где взорвалась бомба, по краю обежал яму. Чтобы не наткнуться на что-либо в пыли, вытянул вперёд руку, в другой наготове сжал пистолет, снова споткнулся, перекатился через вывороченную взрывом глыбу, больно ударившись левым коленом. Вскочил уже босой, растеряв колодки, и ногам стало нестерпимо больно на беспорядочно заваливших цех бетонных обломках.

Сзади слышались крики, где-то гулко протрещала автоматная очередь. «Чёрта с два!» — сказал он себе, вскочив на сброшенную с перекрытий железную ферму, перемахнул с неё на косо рухнувшую колонну простенка, взбежал выше; здесь

несильно тянуло ветром, пыль постепенно рассеивалась, можно было оглядеться. В трёх шагах впереди и ниже было последнее препятствие — полуразрушенная стена внешней ограды, а дальше, будто ничего в целом мире не произошло, мирно утопали в зелени улицы, пламенели под солнцем черепичные крыши, и совсем близко на склоне призывно темнела хвойная чащоба леса.

В одно мгновение охватив всё это взглядом, он сунул в зубы пластмассовую рукоять пистолета и прыгнул. Железные шипы по гребню ограды требовали точного расчёта, но ему удалось ухватиться за них руками и, не зацепившись, перемахнуть на ту сторону. Падать, однако, помедлил, на вытянутых руках опустил пониже и — оторвался. Упал в жёсткие колючки бурьяна и, вскочив, изо всех сил рванулся по картофельному участку вдоль проволочной сетки ограды.

В нескольких местах сзади трещали очереди, поодаль взвизгнули пули. Кажется, начиналась погоня, его шансы убывали, но он уже не мог отказаться от целиком захватившего его стремления уйти. Он перелез через сетку ограды и по колючей шлаковой дорожке пустился вверх, к недалёкой уже окраине.

Взрыв в цехе, наверное, всполошил окрестности. По дорожке от белого дома во всю прыть мчались к заводу двое мальчишек, передний размахивал игрушечным ружьём в руках, но за кустарни-

ком они не заметили его и пробежали мимо. Иван выскочил из-за кустов акаций, едва не сбив с ног молодую женщину, нёсшую полную воды лейку; женщина испуганно вскрикнула и выронила из рук лейку. Он молча пробежал дальше, из коротенького переулка выскочил на немощёную окраинную улочку, оглянулся по сторонам — улица была пуста. Иван перебежал её, продрался сквозь пыльные заросли насаждений и упал.

Впереди домов уже не было. На огромном крутом косогоре раскинулся некошенный, густо усеянный ромашками луг, у дороги дремотно качались метёлки какой-то неведомой ему травы. Дальше и выше, в распадках, начинался лес, а над ним в знойном июльском небе теснились сизые громады Альп.

Сдерживая дыхание, Иван прислушался: сзади слышались крики и выстрелы, заливались овчарки, но это там, на заводе, за ним же, кажется, ещё не гнались. Рукавом полосатой куртки он смахнул с лица пот, заливавший глаза, и приподнялся, определяя кратчайший путь вверх. Невдалеке был распадок, ближе других подступавший к городу, туда по крутому склону сбегали сверху редкие ёлочки. Иван снова вскочил на ноги.

Это оказалось чертовски трудным — бежать всё время в гору: тело становилось чрезмерно грузным, от слабости то и дело подкашивались ноги. На середине косогора он снова оглянулся —

собачий лай, кажется, уже доносился с окраины. Полоснула близкая очередь, но пуль он не услышал — значит, ещё не по нему. По другим! Видно, там разбегались. Это облегчало его положение, надо было бежать...

Но он выбивался из сил и с трудом одолевал пригорок. Сзади как на ладони был виден весь городок, переднюю часть которого занимали длинные, похожие на ангары корпуса завода, там и сям чернели развалины — свежие следы бомбёжки; длинная ограда в одном месте рухнула, за проломом дыбились искорёженные фермы перекрытий — это от их бомбы. Там бегали, суетились люди. Иван пригнулся (его уже начал скрывать пригорок) и вяло побежал к ручью, возле которого наконец с облегчением распрямился. Лес был рядом, на склоне.

Иван замедлил бег, вытер рукавом лицо. Дальше путь пролегал по дну широкого травянистого распадка. Подъём становился круче, меж чёрных скользких камней шумно бурлил ручей. Вконец изморённый, Иван уже достиг первых разбросанных по склону ёлочек, когда снова услышал лай собак. Показалось, что они за пригорком, рядом, и он, опять выбиваясь из сил, побежал в гору. Хоть бы успеть добраться до хвойной чащи, там легче укрыться, как-нибудь обмануть преследователей или, если уже не суждено вырваться, погибнуть не зря.

Но добежать до леса Иван не успел.

Он взбирался по траве вверх, минуя большие и малые обломки скал с рассыпанной повсюду дресвой, и почти уже достиг еловой опушки, как разъярённый собачий лай, будто вынырнув из-за пригорка, раздался совсем рядом. Иван кинулся к молодой ёлочке, затаившись, выглянул сквозь ветви — через бугор, мелькая в траве бурой спиной, по его следам мчалась овчарка; где-то за ней заливалась лаем вторая.

Он понял, что до чащи ему не добраться, и, расставив ноги, крепче сжал в руке пистолет. Он не знал, сколько в магазине патронов, интересоваться этим теперь было поздно, хотя и понимал, что в патронах — его спасение. На минуту расслабил мускулы, стараясь дышать ровнее. Надо было успокоиться, собраться с силами, унять в груди сердце, чтоб ударить без промаха.

Собака увидела его, залилась громче, злее и, попарно выбрасывая сложенные лапы, пустилась вверх. Стоя за елью, Иван пригнулся, взглядом отмерил рубеж в какой-нибудь полусотне шагов возле каменного выступа в траве и направил туда пистолет. Овчарка стремительно приближалась, прижав к голове уши, вытянув хвост; уже стала видна её раскрытая пасть с высунутым языком и хищным оскалом клыков.

Иван затаил дыхание, напрягся, стараясь как можно лучше прицелиться, подпустил её шагов на пятьдесят, выстрелил. И сразу же понял, что

промазал. Пистолет дёрнулся в руке стволом вверх, в нос ударило пороховым смрадом, овчарка завизжала сильнее, и он, не целясь, наугад поспешно выстрелил ещё. Тотчас короткая радость блеснула в душе – собака отчаянно взвизгнула, взвилась, со всего маху ударилась о землю и в каких-нибудь двадцати шагах от него задёргалась, забилась в траве. Он уже готов был кинуться в лес, но тут увидел: огромный, с рыжими подпалинами на боках волкодав, задыхаясь, выскочил из-за камней. За ним, петляя в траве, тянулся длинный ремённый поводок.

Иван, не целясь, торопливо вскинул навстречу пистолет, но выстрела не последовало – очевидно, что-то заело. Перезарядить пистолет он не успел, лишь ударил по затворной планке ладонью, однако волкодав был уже рядом и прыгнул. Иван как-то увернулся за ель, задев ветки, собака пронеслась мимо, но, казалось, ещё не долетев до земли, перевернулась в воздухе и тут же с раскрытой пастью бросилась снова. Не зная, как защититься, Иван вскинул навстречу руки.

Это был точный и сильный прыжок. Выронив пистолет, Иван не устоял на ногах и вместе с собакой покатился по склону. Казалось, всё скоро кончится, но, падая, Иван всё же успел схватить волкодава за ошейник и железным напряжением рук оттолкнул его от себя. Собака сильнохватила его когтями, где-то с треском разорвалась одежда.

Одной рукой сжимая ошейник, Иван поймал другой переднюю собачью лапу и сильно выкрутил её в сторону. Задыхаясь в борьбе, они ещё раз перекатились один через другого, потом, чтобы как-то удержаться сверху, Иван выбросил в сторону ноги, изо всех сил стараясь подмять пса под себя. Наконец это ему удалось, и он, изловчившись, последним усилием двинул собаку коленом. Волкодав взвигнул, резко дёрнулся, едва не вырвав из руки ошейник, но Иван почувствовал, как под коленом будто хряснуло что-то, и, выламывая пальцы, ещё туже затянул ошейник. Но задушить у него не хватило силы, волкодав отчаянно рванулся и выскользнул из его рук.

Иван сжался в ожидании нового прыжка, но собака не прыгнула — распласталась рядом и, вытянув толстую морду с выброшенным набок языком, часто и сипло дышала, злобно глядя на человека. Натёртые ошейником, у Ивана жгуче горели ладони, от перенапряжения нервно трепетала мышца в предплечье, чуть не выскакивало сердце из груди. Опустив на траву дрожащие руки, он стоял на коленях и почти дикими глазами глядел на собаку.

Они следили один за другим. Боясь упустить первую попытку к прыжку, Иван в то же время опасался, как бы не появились немцы. Через минуту он понял, что волкодав вряд ли бросится первым. Тогда он смелее поднялся на ноги и, отступив в сторону, схватил в траве камень. Он хотел им

ударить собаку, но тут же раздумал. Волкодав судорожно выгнул хребет, видно, ему досталось не меньше, чем человеку, и он беспомощно, тихо скулил. Иван сделал несколько осторожных шагов назад. Волкодав приподнялся, тоже немного подвинулся, поводок его скользнул по траве. Но он не бежал и не вскакивал. Иван, ещё больше осмелев, устало побежал вверх к ели, где уронил пистолет.

Собака завизжала от бессильной ярости, немного проползла по траве и остановилась. А человек поднял с травы браунинг и медленно, задыхаясь, насколько позволял остаток сил, побежал по распадку вверх, в еловую чащу.

★2★

Минут через пять он уже был в лесу и бежал вдоль стремительного, с необыкновенно прозрачной водой ручья. На склоне стоял чистый, не захламлённый валежником лес. Бежать, однако, мешали камни. Подъём становился всё круче. Опасаясь новой погони, Иван сунулся было в ручей, чтоб скрыть от овчарок след, но вода ледяным холодом обожгла ноги, и он, пробежав шагов десять, выскочил на берег. Вскарабкался на скалистую кручу, на секунду остановился, чтобы перезарядить пистолет. Затвор выбросил на камни перекошенный патрон. Иван нагнулся за ним и вдруг замер —

сквозь говорливое журчание ручья сзади донеслись голоса. Оставив патрон, он торопливо подался вверх, чуть в сторону от ручья, пролез сквозь чащу елового молодняка и, еле справляясь с дыханием, опустился на четвереньки.

Подул ветер, и в небо из-за гор выплыл косматый край тучи. Видимо, надвигался дождь. Иван осмотрелся, окинув взглядом камни под елями. Внизу как будто никого не было. Он уже хотел вскочить на ноги и побежать, как вдруг до его слуха донёсся слегка приглушённый, настойчивый оклик:

— Руссо!

Он пригнулся ниже, вобрал в плечи голову, — нет, то был не немец, скорее, какой-нибудь гефтлинг¹. Но тут хоть бы выбраться самому. Он знал по собственному опыту, как это трудно; где уж там вести с собой какого-то доходягу. Немцы наверняка уже подняли тревогу. Не так это просто — убежать из концлагеря.

И он изо всех сил побежал дальше, карабкался меж камней и елей вверх, наискось по горному лесистому склону, так как лезть прямо уже не хватало сил. Ручей остался где-то в стороне, говор его притих; сильнее и отчётливее стали шуметь ели, — свежий ветер настойчиво раскачивал вершины; солнце скрылось, помрачневшее небо всё шире заволакивала тёмная туча. Было душно, куртка на спине

---

¹ Гефтлинг — (от нем. Häftling — заключённый) узник нацистского концлагеря.

промокла от пота. Полосатый берет Иван потерял ещё при взрыве и теперь вытирал лицо рукавами, всё время озираясь по сторонам и чутко вслушиваясь. Один раз он услышал далекий ещё, но стремительно нараставший рёв мотоциклов. Тут где-то проходила дорога, и немцы, по-видимому, послали погоню. Охваченный мрачным предчувствием, Иван напряжённо обдумывал, как быть дальше, и в то же время по какому-то неясному звуку догадался, что сзади кто-то бежит. Отскочив за мшистый комель ели, он щёлкнул предохранителем браунинга. Треск мотоциклов приблизился. «Обкладывают, сволочи!» Иван оглянулся, опустился за елью на одно колено и приподнял сжатый в руке пистолет. Внизу снова раздался приглушённый стук по камням. Иван всмотрелся и уже отчётливо определил в зарослях место, где был человек. Вначале оттуда никто не показывался. Потом закачались ветки, и на прогалину из ельника выскочила лёгкая полосатая фигурка, остановилась, метнула взгляд по склону и заметила Ивана.

— Руссо!

Женщина?! Это его так удивило, что он чуть не выругался с досады, и только приближающийся рёв мотоциклов переключил его внимание. Иван крутнулся на земле, не зная, куда податься: меж редких стволов его тут легко могли увидеть сверху. И он прыгнул в неглубокую выемку — нишу под крутоверхой скалой, весь сжался, готовясь к отпо-

ру. Полосатая фигурка внизу на минуту исчезла за краем обрыва. Он теперь не смотрел туда, а напряжённо слушал, больше всего остерегаясь мотоциклов. Но вот внизу, в двадцати шагах, из-за камня снова показалась женская фигура в длинной, не по росту, куртке с закатанными рукавами и красным треугольником на груди. Это была девушка. Она быстро огляделась по сторонам, и он заметил, как под шапкой её чёрных волос с нескрываемой радостью блеснули такие же чёрные, словно две маслины, глаза.

— Чао!

Он слышал уже это слово — так всегда здоровались гефтлиинги-итальянцы. Однако теперь, вслушиваясь в треск над головой, он сжался и молчал, ожидая, что она вот-вот юркнет в какое-нибудь укрытие. Но она, кажется, вовсе равнодушная к опасности, снова оглянулась и торопливо заговорила по-немецки, как ему показалось, кого-то прогоняя от себя. Взглянув в подлесок, Иван увидел за камнями ещё одного человека в полосатом, который после окрика девушки сразу же шмыгнул в заросли. Иван хотел было кинуться прочь от этих непрошенных спутников, но девушка легко выскочила из-за обрыва, нагнулась, сунула ноги в колдовки, которые до сих пор держала в руках, и, застучав ими, торопливо побежала к нему.

Мотоциклы ревели чуть ли не над их головами, и эта её нелепая дерзость вызвала у Ивана гнев —

их ведь легко могли тут заметить. Пригнувшись, Иван шагнул к девушке и за руку рванул её под скалу. При этом он тихо, но с неудержимой яростью выругался. Она легко метнулась за ним, как вдруг одна её колодка сорвалась с ноги и, застучав по камням, отлетела далеко в сторону.

— Ой, клумпес! — приглушённо вскрикнула девушка.

Мотоциклисты один за другим, обдавая их грохотом, проносились рядом, но она, казалось, не обращая на них внимания, вырвала у него руку и бросилась за своей колодкой. Иван не успел удержать её, только в гневе ударил кулаком по камню и скрипнул зубами. Девушка между тем подхватила колодку и кинулась назад, сверкнув блестящими от азарта глазами. И тогда Иван, не справившись с собой, зло ударил её по лицу.

Удар обжёг ей щёку. Она коротко вскрикнула, но не отшатнулась, не побежала, а упала под скалу рядом и из-под локтя кинула на него взгляд, полный не гнева, а скорее озорного удивления.

Гул мотоциклов удалялся, и Иван пожалел, что не сдержался. Девушка на минуту сосредоточилась, округлила глаза, прислушалась, казалось, только теперь осознав, что им угрожало, и, приподняв ногу в полосатой запачканной штанине, надела на ступню колодку. Потом ещё раз взглянула на него и, по-детски неумело выговаривая слова, будто картавя, повторила его ругательство.

Это было так же неожиданно, как и его пощёчина, и так необычно, что в нём будто что-то сдвинулось, сместилось, — человеческое на минуту хлынуло в его заскорузлую душу, и он впервые за сегодняшний день удивлённо и широко раскрыл глаза:

— Ого!

— Ого! — повторила, как бы передразнивая, она, обнаружив тем свою нарочитую обиду, и впервые с заметным любопытством оглядела его. Полные губы её были капризно поджаты, но в глазах уже появились озорные смешинки. Казалось, он где-то уже видел их, эти непонятные глаза на смуглом, сильно исхудавшем лице, и, почувствовав что-то новое в себе, нахмурился. Обжигающая красота девушки, её бесстрашие в этом их более чем сложном положении сбивали его с толку.

— Ты куда бежишь? — строго спросил он, глядя на её поджатые в колодках ноги.

— Вас?

— Вас, вас! Куда бежишь?

— Руссо бежишь — их бежишь.

Не удержавшись, он исподлобья смерил её злым взглядом, — всё её подвижное, с тонкими чертами лицо выражало желание понять его. Густые чёрные брови, сросшиеся над переносьем, были высоко вскинуты.

— Ты знаешь, куда я бегу? Русланд бегу. Поймают, мне будет пуф-пуф. А тебе это. — Он чиркнул